В. А. Клюкач, Д. Н. Мельников. — М.: РАСХН, 2004. — 309с.

3. Клюкач, В. А. Маркетинг сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: Монография [текст]/В. А. Клюкач. — М.,1998. — 208с.

4. Демченко, А. Ф., Белоусов, А. В., Коновалова, С. Н. Маркетинг: учебное пособие [текст] / А. Ф. Демченко, А. В.Белоусов, С. Н. Коновалова.- Воронеж: «Истоки», 2006. — 321с.

5. Экономическая теория: Хрестоматия [текст]/Е. Ф. Борисов, составитель. — М.:»Высшая школа», 1995. — 448с.

6. Липсиц, И. В. Экономика: Учебник 2-е изд., перераб. и доп. [текст]/ И. В. Липсиц. — М.: ВИТА-ПРЕСС, 1996.- 320с.

УДК 332.142

Л. М. Никитина,
Е. М. Исаева

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕГРАЦИИ РАЗНОРОДНЫХ СИСТЕМ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

В статье рассматриваются проблемы интеграции институционально разнородных структур в регионах. На основе системного и институционального анализа показано, что роль интегратора на региональном уровне могут достаточно успешно выполнять высшие учебные заведения. Миссия вуза как интегратора регионального уровня заключается прежде всего в формировании новых связей регионов и их подсистем с мировым сообществом.

Ключевые слова: *система, регион, институт, интеграция.*

UDK 332.142

L. M. Nikitina,
E. M. Isayeva

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF INTEGRATION DIVERSE SYSTEMS OF REGIONAL LEVEL

In article integration problems institutionally diverse structures in regions are considered. On the basis of the system and institutional analysis it is shown that at regional level higher educational institutions can carry out an integrator role rather successfully. Higher education institution mission as integrator of regional level consists first of all in formation of new communications of regions and their subsystems with world community.

Keywords: *system, region, institute, integration.*

На современном этапе развития России происходит весьма выраженная регионализация социально-экономических процессов. Данный процесс является объективно обусловленным, прежде всего, высоким уровнем неоднородности страны в экономическом, социальном и институциональном смысле. Вполне естественно, что это требует повышения системной целостности самих регионов, интеграции их подсистем как однородных, так и различных по своим базовым характеристикам.

Особую проблему при этом составляет интеграция институционально неоднородных систем, при анализе которой необходимо исходить из фундаментальных положений теории систем. Обратимся в связи с этим к двум постулатам У. Эшби об устойчивости и структурной целостности систем:

– устойчивость и структурная целостность означают, что хотя система в целом претерпевает последовательные изменения, некоторые ее свойства («инварианты») сохраняются неизменными [5, с. 35].

– никакое состояние системы не может быть равновесным, если оно неприемлемо для каждой из ее частей, действующих в

условиях, создаваемых другими частями [5, с. 40].

Для интеграции институционально разнородных систем важно, что при этом происходят изменения ряда параметров, в то же время часть из них должна сохраниться в неизменном виде, в противном случае будет нарушена их исходная внутрисистемная целостность.

Следует обратить внимание на то, что при институционально однородной интеграции конкурируют не институты или институции, а субъекты, действующие по однородным правилам. При интеграции институционально разнородных структур конкуренция возникает, прежде всего, между институциями — она определяет положение интегрирующихся структур в будущем едином институциональном пространстве.

Сложность интеграции заключается в том, что различные институциональные подсистемы регионов производят блага, различные с точки зрения возможностей (издержек) оценки их положительного эффекта потребителями. А. Шаститко выделяет три вида таких благ: исследуемые (издержки оценки качества невелики до начала потребления); опытные (издержки до начала потребления велики); доверительные (издержки велики как до, так и после потребления) [4].

Процесс интеграции в этом случае должен быть ориентирован на движение от благ с высокими издержками к благам с низкими издержками [4, с. 104]. Из этого следует, что интегратором, наиболее активной должна быть система с минимальными трансакционными издержками. Для остальных систем, в силу вышеуказанных постулатов У. Эшби, ее условия должны быть только приемлемыми.

Из четырех базовых систем, образующих современную институциональную среду: государства, бизнеса, некоммерческих организаций, домохозяйств, в России минимальные трансакционные издержки несет, в силу высокой скорости и силы формирования управляющих сигналов, государство, поэтому ему принадлежит ведущая роль в управлении интеграционными процессами.

Естественно, нельзя исключать оппортунистического поведения иных субъектов взаимодействия, но проблема оппортунизма заключается не в фундаментальных свойствах государства, а в конкретных механизмах его воздействия на другие институциональные системы. Однако, данное положение распространяется в российских условиях только на органы власти и управления федерального уровня, региональные властные и управленческие структуры не имеют ярко выраженного влияния на иные системы, поэтому не могут рассматриваться в качестве безусловных лидеров интеграционных процессов.

Домохозяйства оказывают общее влияние на состояние экономической и институциональной среды, но, будучи организационно разобщенными, не могут выступить в качестве интегратора.

Бизнес-структуры, как показывает опыт, склонны снижать трансакционые издержки, двигаясь по пути вертикальной или горизонтальной интеграции внутри бизнес-среды. В этом случае издержки снижаются за счет перехода от рыночной координации к административной. При межинституциональной интеграции этого не происходит, поэтому бизнес-структуры вряд ли заинтересованы в ней в современных российских условиях.

Следует отметить, что бизнес-структуры и некоммерческие организации производят различные виды благ: первые — исследуемые блага; вторые — в лучшем случае, опытные. Соответственно, для бизнес-структур возникают два вида издержек: экономические, вытекающие из априорной неопределенности результатов взаимодействия, и институциональные, связанные с необходимостью совмещения институций различных уровней (ценностей, традиций, неформальных правил, нормативных актов). В связи с этим их интегрирующая роль не может быть сильно выраженной.

Ряд исследователей считает, что ведущую роль в современных интеграционных процессах институционально разнородных систем в регионах должны играть университеты. Так, по мнению Д. Чарльза, университеты являются частью глобальной, национальной и региональной систем, поэтому они включены в сложное взаимодействие с сообществами различной локализации и различных типов [6]. Это обстоятельство подчеркивают также В. Нагорнов, О. Перфильева [1, с. 71].

Интегрирующая роль высшей школы (университетов, в частности) во взаимодей-

ствии с субъектами иной институциональной природы, связана, на наш взгляд, с изменением их роли в современной институциональной среде. Ряд авторов называет это «третьей функцией», необходимость которой не принята однозначно научным сообществом, но активно отстаивается ее сторонниками [3, с. 134].

Естественно, интеграция разнородных систем (университетов, бизнес-структур и др.) сопряжена с необходимостью решения прежде всего институциональных проблем. Я. Оостервельд отмечает следующие опасения участников бизнеса в отношении интеграции с университетами, даже в самых мягких формах [2, с. 67]:

– университеты хотят извлечь собственную выгоду и не концентрируются на общей цели;

– неготовность бизнеса использовать современные подходы;

– ограниченность времени.

Опасения университетов касаются преимущественно возможности бизнеса снизить степень интеллектуальной зависимости от бизнеса. Кроме того, высшая школа не в состоянии быстро реагировать на часто изменяющиеся требования бизнеса [2, с. 68]. Поэтому интеграционные процессы должны происходить в тех формах и с использованием тех методов, которые не нарушают системной целостности интегрируемых систем (напомним вышеуказанные постулаты У. Эшби).

Содержание методов зависит, на наш взгляд, от историко-генетических основ формирования структур высшей школы, как институциональных интеграторов. Отметим, в этой связи, что они весьма различаются не только на страновом, но и на региональном и местном уровнях.

Так, О. Перфильева отмечает особую роль таких университетских городов, как Кембридж, Оксфорд, Сент-Эндрюс, в которых университеты представляют собой доминирующие центры — города формировались и развивались именно вокруг них. Города и университеты воспринимаются как единое целое. Но это восприятие различно для международного и местного сообщества, с которым часто складывается напряженность [3, с. 135]. Обратим внимание на то, что в России такие центры практически отсутствуют. В известном смысле такая роль принадлежит в стране академическим и отраслевым исследовательским центрам, тесно связанным с высокотехнологичными предприятиями оборонной, космической промышленности, атомной энергетики и т.п.

В таких населенных пунктах интеграция носила естественный характер — они создавались фактически как инфраструктурные объекты, выполняли обслуживающие функции по отношению к предприятиям. Поэтому в экономическом, институциональном и даже производственном смысле они всегда были интегрированными. Современная проблема таких интегрированных структур — ослабление внимания к ним со стороны государства, в этом смысле их внутреннее институциональное и экономическое единство — скорее препятствие для дальнейшего развития, чем преимущество.

Решение проблемы заключается в движении к снижению системной целостности, к дезинтеграции, к поиску новых субъектов, форм, методов взаимодействия с внешней средой. Чрезмерно интегрированные системы при слабом взаимодействии с внешней средой оказываются нежизнеспособными при изменении условий существования. Своеобразный прототип такой системы показал У. Эшби на примере устричной колонии с закрывающимися под влиянием сигналов опасности особями, не принимающими в дальнейшем сигналов об изменении ситуации. Для таких систем, в основном не регионального, а муниципального уровня, уместны жесткие методы дезинтеграции и формирования новых интегрированных структур, которые в российских условиях могут использовать преимущественно федеральные органы власти и управления.

Помимо вышеуказанной группы университетов О. Перфильева выделяет еще две: университеты технического профиля с ярко выраженной миссией служить местному сообществу (университеты Ковентри, Сандерленда, Дерби) и «городские» университеты, созданные при поддержке городских властей (университет Ньюкасла). С самого начала эти вузы учитывали потребности не только города, но и региона [3, с. 135].

Отдельную группу составляют университеты с многочисленными кампусами, расположенными на не урбанизированных

территориях, формируя региональную идентичность [3, с. 135–136].

В российских регионах в наибольшей степени представлены университеты второй группы (не обязательно технические), деятельность которых ориентирована на удовлетворение потребностей регионов и крупных городов в квалифицированной рабочей силе и, отчасти, научных исследованиях.

В то же время, независимо от принадлежности вузов к той или иной группе в предложенной классификации, все они вовлечены в разнообразное взаимодействие с иными системами за пределами мест дислокации. В целом оно создает институционально разнородную среду, порождая интеграционные и дезинтеграционные процессы. Собственно, такое многостороннее взаимодействие и формирует в итоге комплекс ролей, выполняемых вузами в регионах и муниципальных образованиях. Поэтому включение вузов в институциональные преобразования местного сообщества и региона является не в меньшей степени значимым, чем научная деятельность. Вообще, вряд ли есть смысл говорить и приоритетности учебной, научной или социальной деятельности — они образуют неразрывное единство, обеспечивая само существование вузов.

О. Перфильева считает, что существует известная противоречивость в миссиях федеральных университетов, ориентированных, с одной стороны, на превращение их в центры регионального развития, с другой — на достижение радикальных изменений в научно-исследовательской сфере, выход на лидирующие позиции в мировых рейтингах [3, с. 135].

На наш взгляд, эта противоречивость вполне естественна и отражает двойственность образовательных и научно-исследовательских структур, миссия которых состоит не только в удовлетворении существующих потребностей, но и в формировании новых, включающих экономический и институциональный опыт иных стран и регионов. Миссия высшей школы как интегратора в региональной социально-экономической системы заключается не в поддержании существующих, а формировании новых связей с мировым сообществом. Другой вопрос, что реализация данной миссии является достаточно сложной, поскольку сами российские интеграторы находятся на невысоком по международным стандартам уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нагорнов В. Оценка роли вузов в региональном развитии: формирование устойчивых партнерств для развития / В. А. Нагорнов, О. В. Перфильева // Вестник международных организаций. — 2010. — № 4 (30). –С. 60–86.

2. Оостервельд Я. Взаимодействие между университетами и бизнесом / Я. Оостервельд // Проблемы теории и практики управления. — 2010. — № 6. — С. 65–69.

3. Перфильева О. В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции / О. В. Перфильева // Вестник международных организаций. — 2011. — № 1 (32). — С. 133–144.

4. Шаститко А. Дискретные институциональные альтернативы в контексте дерегулирования экономики / А. Шаститко // Вопросы экономики. — 2004. — № 12. — С. 94–110.

5. Эшби У. Введение в кибернетику / У. Эшби. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. /http://www.booksshare.net/books/cybern/ashbiwr/1959/files/Vvedenie_v_kibernetiku. djvu. 27.08.2012.

6. Charles D. R. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities / D.R Charles // Rebalancing the Social and Economic. Learning, Partnership and Place / C. Duke eds. NIACE, 2005. — P. 148–150.